

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АВТОРЕФЛЕКСИИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В.А. Миловидов, Г.О. Шокин

Тверской государственный университет, г. Тверь

Проанализированы механизмы принятия переводческих решений в контексте когнитивно-деятельностной теории перевода. Дана характеристика основных методов исследования мыслительных процессов переводчика – рефлексии, авторефлексии, интроспекции, ретроспекции, метода ТАР (Think Aloud Protocol). Практики применения методов ретроспекции и авторефлексии рассмотрены на конкретных примерах субъективного осмысления опыта переводов произведения «The Horror in the Museum» американского писателя-фантаста Говарда Филлипса Лавкрафта.

Ключевые слова: Ментальные процессы переводчика, механизмы переводческих решений, авторефлексия, опыт субъективного осмысления.

Дискуссия о проблемах переводимости и качестве перевода в среде ученых-лингвистов длится уже несколько столетий. Особую остроту, обусловленную переходом от традиционных лингвистических теорий к когнитивно-деятельностным, эта дискуссия приобрела в последние десятилетия.

Анализ публикаций отечественных и зарубежных исследователей показывает наличие и неразрешенность определенного кризиса в теории художественного перевода, что, впрочем, может служить импульсом к ее качественному скачку и развитию в самом ближайшем будущем [2; 8; 11].

В статье «Перевод как рефлексия деятельности» Л.М. Алексеева предпринимает попытку анализа эволюции традиционных понятий перевода от модели эквивалентности, охарактеризованной в работах Р. Якобсона, Ю. Найды, П. Ньюмарка и В.Н. Комиссарова до дискурсивной модели, описанной Дж. Наусом, М. Бэйкером, Б. Хэйтимом и А. Мэйсоном. Понятием, «наиболее полно выражающим проявление современной научной парадигмы», в работе названо понятие рефлексии, «в полной мере отражающим антропоцентрические тенденции процесса перевода».

Традиционные понятия эквивалентности и соответствия, положенные в основу создания лингвистических моделей перевода, представлены Л.М. Алексеевой как механизм трансформации одного языка в другой, в виде схемы:

$A(ИТ) \rightarrow B(ПТ)$,

где $A(ИТ)$ – материал 1-го языка;

В(ПТ) – материал 2-го языка.

В этой схеме рассматривается всего один компонент – знаковый материал перевода, характеризуемый связью между ИТ и ПТ только на уровне языка, и воспроизводящий содержание ИТ в ПТ. Таким образом, механизм перевода соотносится исключительно с внешним знаковым переносом, без учета процессов в сознании переводчика [2].

Подобные представления преобладали в переводоведении до конца XX века. Во второй половине XX века в европейском переводоведении происходят глубокие изменения, главным из которых является смена научной парадигмы, в основу которой легло понятие рефлексии перевода.

Формирующаяся когнитивно-деятельностная и личностно-ориентированная теория перевода подчеркивает связь перевода с процессом познания и развитием личности переводчика, трактуя перевод как сложный комплексный процесс, антропологический феномен и герменевтическую деятельность [2; 3].

На комплексный характер процесса перевода указывает в своей работе «Рефлексия переводчика vs. метапереводческая деятельность» Л.В. Кушнина с коллегами. По мнению исследователей «перевод вписывается в синергетическую парадигму как особую разновидность системного подхода, в соответствии с которым трактуется как система эксплицитно-имплицитных смыслов, транспортируемых из культуры в культуру», а феномен рефлексии переводчика соотносится с «концепцией переводческого пространства, аксиологической доминантой которой выступает категория гармонии» [10].

Таким образом, анализ механизма переводческих решений, подразумевающий анализ мыслительной деятельности переводчика, является одной из главных задач личностно-ориентированной теории перевода. В отличие от лингвистических методов, для изучения мыслепроцессов переводчика, согласно мнению В.Н. Комиссарова, пригодны лишь методы экспериментальной психологии и дедуктивный анализ процесса на базе ряда положений когнитивной психологии [7].

Сложность практической реализации данного подхода отмечают в своих трудах Л.М. Алексеева, Л.В. Кушнина, А.И. Клишин, М.Л. Алексеева, И.В. Абакумова и Н.А. Ейст, Л.А. Нефедова, Н.М. Нестерова и Е.В. Поздеева и др.

Всякая попытка «вскрыть» черный ящик сознания переводчика при помощи методов экспериментальной психологии неизбежно наткнется на ряд трудностей, а результаты подвергнутся критике из-за своей неочевидности и субъективности трактовок. Тем не менее, применение именно этих методов может привести к важным результатам [7].

Итоги проведенного нами анализа основных отечественных методов изучения механизма принятия переводческих решений в когнитивно-деятельностной теории приведены в табл. 1.

Таблица 1

Понятие	Определение
Рефлексия переводчика/перевода	«Обращение назад»; «отражение»; теоретическая деятельность человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека; одна из разновидностей реакций языкового сознания [8]
	Актуализация смысла языкового материала, осуществляемая с помощью переводчика [2]
	Рефлексия перевода – мышление, вплетенное в деятельность, в развитие представлений о том, что объект перевода формируется не столько на основе языковых компетенций, сколько конструируется в ходе рефлексивной деятельности [2]
Авторефлексия переводчика	Переводческое авторефлекмирование – это форма субъективного осмысления собственной профессиональной деятельности, которая позволяет переводчику регулировать свои действия в различных ситуациях осуществления двустороннего последовательного перевода [5]
	Авторефлексия – оценка переводчиком собственных действий, анализ выбранных эквивалентов – позволяет говорить об использовании экспериментального компонента в исследовании качества перевода и его позитивном вкладе в профессиональную компетентность переводчика [4]
Интроспекция	Метод самонаблюдения, представляет собой сознательное фиксирование переводчиком хода своих рассуждений в процессе выработки им переводческого решения, касающегося передачи на языке перевода слова, словосочетания и т.д. оригинала [6]
	Интервьюирование переводчиков с целью узнать, что и как они делают [12]

Ретроспекция	Соотношение формы/содержания подлинника или оригинального текста с формой и содержанием его перевода или переводов [6]
	Размышление о переводе и критика перевода [8]
Метаперевод, метапереводческое пространство	Размышления о переводе, комментарии переводчика, ссылки и сноски переводчика, переводческие предисловия и послесловия, фильмы и книги о переводчиках, воспоминания переводчиков, критическая литература о переводчиках [8]
Метод «мысли вслух» (Think Aloud Protocol (TAP))	Суть метода – получить данные о том, как мыслит переводчик в ходе перевода, что выражается в озвучивании своих мыслей в виде спонтанного, неосознанного потока высказываний, исходящих от испытуемого, полученные данные собраны так, чтобы исследователь сам придам им ясность [13]
	Суть метода – испытуемым предлагается текст для перевода, при этом их просят проговаривать вслух все то, что «приходит им в голову» в процессе работы. Озвученные мысли записывают на диктофон или осуществляют видеозапись (в идеале лучше использовать видеозапись – для возможности наблюдать невербальное поведение испытуемых) [12]

Из представленных материалов видно, что метод интроспекции почти идентичен методу авторефлексии, так как перед нами – один и тот же процесс оценки переводчиком собственных действий. Непросто найти различия и в характеристиках ретроспекции и метаперевода – имеющаяся дифференциация несущественна. Наличие многих терминов для характеристики одних и тех же исследовательских приемов свидетельствует о незавершенности процесса формирования методической основы когнитивно-деятельностной теории перевода, и создает лишь видимость множества способов изучения ментальных процессов переводчика, при реально существующей их ограниченности. Данный вывод наглядно демонстрирует рис. 1:

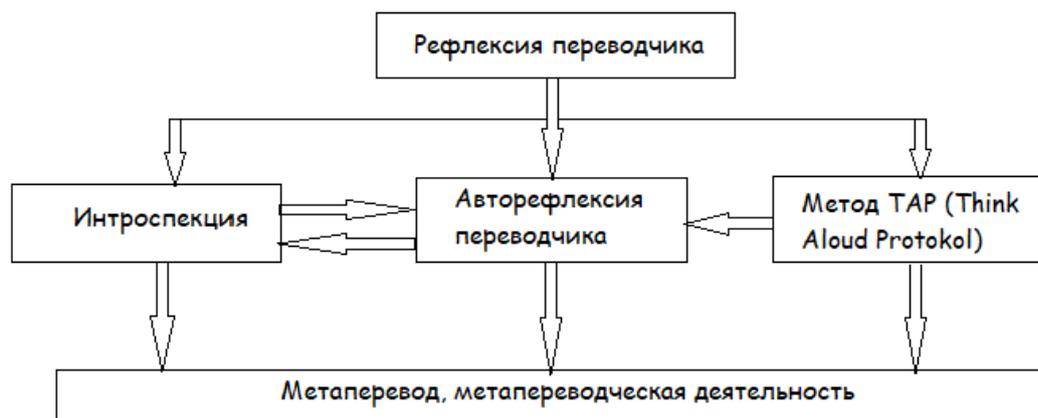

Рис. 1

Коснемся немного подробнее описания методов авторефлексии и ТАР (Think Aloud Protocol).. На первый взгляд, данные методы истинно различны, так как авторефлексия подразумевает взгляд переводчика «внутри себя», критический самоанализ своей переводческой работы вне конкретных временных рамок и в отсутствие каких-бы то ни было наблюдателей, в то время как метод ТАР – это спонтанный вербальный самоанализ в ходе письменного перевода, ограниченный по времени, проходящий для большей объективности при стороннем наблюдателе-экспериментаторе.

В последние годы появилось много публикаций, ставящих под сомнение большую объективность метода ТАР в сравнении с методом авторефлексии-интроспекции, также доказывающих несостоятельность утверждения, что «показания» профессиональных переводчиков, зафиксированные в процессе выполнения процедуры ТАР, менее значимы в сравнении с результатами от их непрофессиональных коллег.

Вместе с тем, в статье Сильвии Бернадини «Think-aloud protocols in translation research. Achievements, limits, future prospects», опубликованной в 2002 году, приведены убедительные аргументы в пользу необходимости дальнейшего развития метода ТАР [15], как метода сбора данных в когнитивной науке. Основной проблемой исследователь называет необходимость строго соблюдать условия проведения эксперимента, что на практике реализовать довольно сложно. При этом с методологической точки зрения целесообразность такой строгости не вполне обоснована. В подкрепление этого тезиса в статье приведены два утверждения.

Первое – согласно исследованиям Андерса Эрикссона и Герберта Саймона (1984), в ходе проведения ТАР-экспериментов максимально избегается любое социальное взаимодействие с испытуемыми во время

вербализации, поскольку необходимость структурированного общения с высокой вероятностью мешает выполнению поставленной задачи непредсказуемым и неконтролируемым образом. Тем не менее, в ряде исследований диалоги в процессе ТАР-эксперимента допускались, и после обработки результатов были получены сопоставимые со строгим экспериментом эмпирические зависимости.

Второе – в работах Клауса Ферча и Габриэля Каспера (1987) утверждалось, что «одновременный самоанализ... с точки зрения одновременного говорения или размышлений вслух, или вербальной реализации конкретных когнитивных функций предполагает, что модальность использования языка сама по себе не является устно-продуктивной». Это связано с тем, что две параллельные задачи одного и того же типа по переводу письменной речи в устную, совмещаемые с размышлениями испытуемых вслух, могут мешать друг другу такими способами, которые в настоящее время малоизучены и непредсказуемы.

С учетом этих взаимоисключающих утверждений Бернардини делает вывод о необходимости улучшения методов когнитивного исследования процесса перевода, механизма принятия переводческих решений с целью поднять их уровень до уровня, требуемого для эмпирических лингвистических исследований.

Обобщая все вышеизложенное, выдвинем предположение о том, что в настоящее время авторефлексия и ретроспекция как методы исследования процесса принятия конкретных переводческих решений относятся к числу наиболее информативных.

При всех недостатках метода авторефлексии – ограниченности, сложности объективной интерпретации результатов и др., отмечаемых во многих публикациях, метод позволяет «от первого лица» выявить механизмы принятия переводческих решений, описать и рассмотреть последовательность действий переводчика и закономерности общей стратегии перевода, установить мотивы переводчика в ходе выбора субъективно оптимального перевода. Ретроспекция, как сопоставление многих вариантов перевода одного художественного текста, дополнит, по нашему мнению, анализ механизма принятия переводческого решения взглядом со стороны.

Приведем ниже описание процесса выработки переводческого решения с использованием метода авторефлексии (с учетом авторского переводческого опыта) на конкретных примерах.

Ставший уже классическим рассказ ужасов «The Horror in the Museum» американского писателя Говарда Ф. Лавкрафта открывается следующим предложением: «It was languid curiosity which first brought Stephen Jones to Rogers' Museum. Someone had told him about the queer underground place in Southwark Street across the river, where waxen things so much more horrible than the worst effigies at Madame Tussaud's were shewn» [16]. Анализ перевода данного фрагмента на русский язык проведем на

основе сочетания традиционного анализа переводческих решений и авторефлексии (наблюдения за процессом и итогом принятия собственного решения).

Рассмотрим предложенный переводчиком Л. Кузнецовым вариант: «То, что впервые привело Стивена Джонса в музей Роджерса, было всего лишь праздно-ленивым любопытством. Ему сказали, что в просторном подвале за рекой, на Саутварк-стрит, выставлены восковые штукoviны не в пример пикантнее любых страшилищ, какие завела в своем музее небезызвестная мадам Тюссо» [9].

Интроспективный анализ в рамках процедуры ТАР мобилизует весь набор когнитивных инструментов, которыми владеет переводчик, включая знание историко-культурного и литературного контекста, литературный вкус и «чутье», позволяющее на интуитивном уровне отделить удачные варианты перевода от неудачных и, в конечном итоге, дать оптимальный. Алгоритм данного выбора может быть описан следующим образом.

В процессе рефлексии над результатами рецепции указанного выше перевода была выявлена неудовлетворенность тем, как в русском варианте текста передано оригинальное существительное «things».

Полисемия, характеризующая данную лексему, дает значительное количество возможных вариантов перевода («вещи», «сущности», «существа» – лишь первые из актуализируемых в процессе рецепции варианты). Микроконтекстная отсылка к экспонатам музея мадам Тюссо, изображавшим людей, позволяет сузить выбор лишь до второго значения слова, синонимами к которому могут стать лексемы «создания», «сущности», «особи». Перед переводчиком возникает проблема выбора из установленного репертуара лексических средств наиболее оптимального варианта, и обеспечивает этот выбор, в процессе авторефлексии, активизация фоновых знаний историко-культурного и литературного типа. Это – второй этап рефлексивной деятельности переводчика в рамках протокола ТАР.

Разговорные существительные сниженного стиля («штуковины» там, где у автора «things», и «страшилища» как адаптация «worst effigies») могут показаться вполне уместными вариантами перевода лишь без знания определенного контекста. Но «авторефлектору» известно, что профессор Американского Университета в Каире (Египет), современный философ-метафизик Грэм Харман, например, крайне высоко оценивает художественную манеру Лавкрафта как писателя – для него это «крупный писатель», «один из величайших в двадцатом веке», «искусный пейзажист», «мастер стилистических фуг», в чем не уступающий «авторам вроде Пруста или Джойса» [14]. В целом, это действительно так – стиль Лавкрафта во многом продолжает традиции английской мистико-окультистической литературы конца девятнадцатого века, он достаточно сдержан и аристократичен, и к просторечиям прибегает

лишь в случае художественной необходимости (например, при передаче фонетических особенностей речи простолюдинов или малограмотных слоев населения). Поэтому в показанном выше варианте перевода переводческие решения кажутся необоснованными, не соответствуя авторскому стилю и макроконтексту произведения в целом. Увы, такие необоснованные стилистические снижения по какой-то причине распространены в переводах Лавкрафта (если не сказать, характерны для них), в том числе и в современных – так, в переводе М. Куренной рассказа «The Curse of Yig» стилистически нейтральное «They fastened themselves on me» [16] (о глазах, взгляде) превращается в совершенно неуместное «Они же вперились в меня до жути пристально» [10], хотя гораздо более обоснованным выбором стала бы менее эмоциональная, нежаргонная форма «пристально смотрели». Учитывая сказанное выше, перевод анализируемого предложения из рассказа «The Horror in the Museum» можно представить в следующей форме: «изваянные из воска экспонаты, выставленные там, в чудном подвальном помещении на Саутворк-стрит, за рекой, превосходят любую из работ мадам Тюссо в жутких качествах». Здесь «экспонаты» служат контекстной подменой не объективизированного в данном случае существительного «things», а для «effigies» (восковые изваяния), дабы избежать лексического повтора, использована лексема «работы» (здесь – созданные художником или скульптором произведения искусства).

Таким образом, используя (и, в рамках статьи, в логике интроспекции, моделируя) протокол ТАР, переводчик может добиться оптимизации переводческого процесса и получения хороших результатов.

Список литературы

1. Абакумова И. В. Интроспекции как дидактический метод, инициирующий смыслообразование в учебном процессе / И.В. Абакумова, Н. А. Ейст. // Северо-Кавказский психологический вестник. 2008. № 6/3. С. 39–44.
2. Алексеева М. Л. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. СПб., 2009. № 12 (89). С. 184–191.
3. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода / Н.Л. Галеева; Твер. гос. ун-т. Тверь : ТГУ, 1997. 79 с.
4. Гладун Д.Ш. Перевод научных статей: проблема качества // Вестник ВолГУ. Журналистика, лингвистика, переводоведение и филология. 2016, Сер. 9, Вып. 14. С. 138–141.
5. Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики языковой личности переводчика (на материале русского и английского языков) : Автореф. ...канд. филол. наук / А.А. Гуреева; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2014. 19 с.
6. Клишин А. И. Основной вопрос практики и теории перевода. История и современность // Известия СПбГЭУ, 2020. №3 (123). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnoy-vopros-praktiki-i-teorii-perevoda-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 08.08.2023).

7. Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России / В. Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 192 с.
8. Кушнина Л. В. Рефлексия переводчика vs. метапереводческая деятельность / Л. В. Кушнина, Н. Г. Погорелая, Е. В. Зубкова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. №2. URL: <https://sfk-mp.ru/PDF/07FLSK220.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
9. Лавкрафт Г. Ф. Локон медузы : [Сборник : Пер. с англ.] / Говард Филлипс Лавкрафт. – Тольятти : ПМКФ "Лада-Маком" ; Екатеринбург : Ладъ, 1993. 558 с.
10. Лавкрафт Г. Ф. Ужас в музее / Говард Филлипс Лавкрафт ; [пер. с англ. О. Басинской и др.]. Москва : Иностранка, 2015. 572 с.
11. Миловидов В.А. Спорные вопросы теории художественного перевода / В.А. Миловидов // Русская литература за рубежом: теория и практика художественного перевода : учебное пособие для студентов магистратуры факультета ИЯ и МК. Тверь : ТГУ. 2015. С. 179–204.
12. Нестерова Н.М., Поздеева Е.В. Об опыте использования методики «Thinking Aloud Protocols» при изучении процесса принятия переводческого решения // Вестник Москов. гос. лингв. ун-та. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия Лингвистика. 2007, № 541 Ч.2. С. 155–164.
13. Нефедова Л.А. Креативность в переводе как один из критериев компетентности (на основе материалов специализированного перевода) / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2015. Т. 1. № 2(2). С. 70–77.
14. Харман, Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия [Пер. с англ.] / Грэм Харман. Пермь : Hyle Press, 2020. 258 с.
15. Bernardini, S. Think-aloud protocols in translation research: Achievements, limits, future prospects / Sylvia Bernardini // Target Journal. 2002. № 13. p. 241–263.
16. Lovecraft, H. P. The Horror In The Museum and Other Revisions / H. P. Lovecraft; [int. by A. Derleth; cover art by Gahan Wilson]. Sauk City (WI) : Arkham House, 1970. 383 p.

Об авторах:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – д-р филол. н., профессор кафедры теории языка, перевода и французского языка Тверского государственного университета (Тверь, 170100, ул. Желябова 33); e-mail: vik-milovidov@yandex.ru

ШОКИН Григорий Олегович – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (Тверь, 170100, ул. Желябова 33); e-mail: jack.torrance@rambler.ru

ON THE QUESTION OF TRANSLATOR'S SELF-REFLECTION IN THE PROCESS OF CREATING THE TRANSLATION OF LITERARY FICTION

V.A. Milovidov, G.O. Shokin

Tver State University, Tver

The article analyzes methodologically designed mechanisms of translation decisions in the context of cognitive activity theory of translation. A brief description of the main methods of studying the translator's thought processes (such as reflection, autoreflexion, introspection, retrospection, the TAP (Think Aloud Protocol) method) is given. The concepts and definitions of these mechanisms are compared, similarities and differences are revealed, the main problems of use in translation practice are described. The practice of applying the methods of retrospection and autoreflexion is considered on specific examples of subjective interpretation of the experience of translations of the works «The Horror in the Museum» by the American horror writer Howard Phillips Lovecraft. Conclusions are drawn about the need for further systematization and development of an ordered classification in relation to existing methods of studying complex mental processes of the translator.

Keywords: *translator's mental processes, TAP method, translator's decision mechanisms, self-reflection, experience of subjective comprehension.*

About Authors:

MILOVIDOV Victor Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor at Theory of Language, Translation and French language department, Tver State University (170100, Zheliabov Str., 33, Tver); e-mail: vik-milovidov@yandex.ru

SHOKIN Grigoryi Olegovich – Post-graduate student at History and Theory of Literature department, Tver State University (170100, Zheliabov Str., 33, Tver); e-mail: jack.torrance@rambler.ru

© Миловидов В.А., Шокин Г.О., 2023

Статья поступила в редакцию 10.10.23
Подписана в печать 16.10.23